

Кухня на необитаемом острове

(Русский журнал. – 2008. – 4 апреля. – [http://www.russ.ru/stat_i/kuhnya_na_neobitaemom_ostrove.](http://www.russ.ru/stat_i/kuhnya_na_neobitaemom_ostrove))

Есть замечательный анекдот об одном русском интеллигенте, который, попав на необитаемый остров, построил три хижины. Одна - его дом. Вторая - дом, где есть кухня, куда он ходит поговорить "за жизнь". Третья - дом с кухней, куда *приличные люди не ходят в принципе...* Такой вот замечательный проект, удовлетворяющий всякие внутренние морально-мировоззренческие запросы и при этом имеющий достаточно смутное отношение к социальной реальности вовне нашего Робинзона (ведь он строится на необитаемом острове)... О внутренних моральных функциях этого проекта я писать не буду. Я все-таки не моралист, а профессиональный политолог, а это две принципиально разные "тусовки" (надеюсь только, что люди, которые станут реализовывать замысел о "**руконеподавательстве**", будут хорошо помнить слова Христа о блуднице, которую хотели забить камнями: "Пусть первым бросит в нее камень тот, кто сам без греха..."). Поэтому предлагаю обсудить тот социально-политический контекст, в рамках которого предлагается сооружение этих двух дополнительных "хижин" (куда ходим и куда не ходим). Далее, это может стать также хорошей отправной точкой для разговора об интеллигенции и профессионализме, например, в близкой мне лично сфере политической науки.

Разговоры о необходимости введения какого-то института "остракизма" для представителей образованного сословия, "слишком пресмыкающихся перед властью имущими", в частных беседах ходят давно. Интересно, что именно в последнее время они начинают выплескиваться в публичное пространство. Кроме дискуссий на "Эхе Москвы" и в "**Русском журнале**" здесь можно еще упомянуть такое массовое издание, как "Аргументы и факты", тоже недавно поднявшее тему об интеллигенции.

Причины выхода этой проблемы на поверхность "публичного пространства", на мой взгляд, психологически очевидны. Скажем, глубочайшая сервильность некоторых представителей нашей художественной элиты перед властью имущими вызывает, например у меня, настолько глубокое (причем эстетическое) отвращение, что я переключаю телевизор, когда даже просто вижу определенные лица. Ну нельзя же преклоняться перед властью в такой нехудожественной форме, с такими элементами "желтизны", да еще и претендуя при этом на принадлежность к творческому сословию! Разве Вергилий, например, написал "Энеиду" не для Октавиана Августа? Но ведь до сих пор читать интересно! И зачем вообще, кстати, нужен в России какой-то "черный пиар" и всякие там "политтехнологи" при таких режиссерах, писателях и артистах? Их ведь в советские времена как раз на тот самый "пиар" и натаскивали, а такого рода устойчивые привычки никуда не деваются даже за десятилетия...

При этом у меня, например, начинает складываться впечатление, что единственный орган, который пытается достаточно эффективно и последовательно противостоять волне откровенного подхалимства, - это сама власть! Еще Пушкин, кажется, писал, что правительство у нас - единственный европеец. Давайте просто человечески оценим ситуацию, когда к умному и реалистически мыслящему человеку (разве в этом сомневаются даже его искренние враги?) публично обращаются со словами типа "несравненный Владимир Владимирович!". А вспомним историю с назойливыми требованиями к "любимому президенту" остаться на третий срок!

Следующим этапом явно должны стать еще более назойливые попытки целовать президенту руки на манер Туркменбаши. Причем прекрасно известно, что даже "партократа" Сапармурата Ниязова эта традиция поначалу слегка "напрягала", но ведь она вводилась "снизу", а не "сверху"! А он всего лишь *"уступил требованию народа"*. Причем его преемнику, Гурбангулы Бердымухаммедову, который все-таки интеллигент (хороший зубной врач, *сам* защищал кандидатскую диссертацию), целуют руку уже насильно, несмотря на попытки брезгливо ее отдергивать. А когда Нурсултан Назарбаев (очень умеренный и мудрый правитель, европеизатор) пытался от своих акимов-губернаторов добиться голосования за себя или за правящую партию *не выше определенного процента, а те настаивали на повышении "нормы" и в результате "подставили" собственного лидера, сделав ему однопартийный парламент!..* Господа, мы что, хотим превратить Россию в Центральную Азию? Но ведь посмотрите, ни Путин, ни Медведев очевидно этого не хотят!

Волна подхалимажа создает очень серьезные проблемы с управлением страной. Отключаются обратные связи. Руководство страны оказывается в полном информационном вакууме и уже не может эффективно управлять. Ведь ни Туркменбаши, ни Сталин реального положения в подвластных им странах не знали. Им говорили не то, что есть, а то, что они, *по мнению окружающих их людей* с явно невысокими умственными способностями, хотели слышать. Вполне реалистично мыслящие российские власти, чтобы не оказаться в таком плачевном положении, лихорадочно пытаются создать хоть какие-то механизмы обратной связи: гражданские форумы, многочасовое прямое общение с народом, Общественную палату...

Те, кто по какому-то недоразумению узурпировал для своего наименования слово "либерал", могут возразить на это: "Так ведь власти сами вели политику на централизацию, вот и получили "отключение обратных связей" как побочный результат. Увы, к сожалению, я вынужден констатировать, что в этом утверждении не учтен один фактор, который представляется мне ключевым. *Разве нас просили так "построиться", как мы сами "построились"*? Разве попытка навести элементарный порядок, стабилизировать ситуацию (а как в исторических условиях России было сделать это без централизации?) обязательно должна была вызвать такую волну сервильности? Разве тот же Путин видел себя как царя, а не

как наемного менеджера, который пришел на время решить ряд важных проблем? И разве он, несмотря на давление "снизу", не уходит так, как обещал, уступая свое место либералу Медведеву? Разве не доходило дело до того, что Кремль пытался уже искусственно создать какую-нибудь либеральную партию, чтобы хоть что-то идеологически противопоставить давлению консерваторов разных мастей?

Разве не нужны какие-то механизмы эффективной борьбы со всей этой в значительной степени добровольной и идущей "снизу" *центральноазиатизацией* политической системы России со стороны общества тоже? Разумеется, да. Однако может ли одним из таких механизмов стать задействование традиционных "моральных" (а по сути, смешанных квазирелигиозных и политических) механизмов русской интеллигенции? По-моему, ни в коем случае! Причем не потому, что это неэффективно (здесь я бы заметил в скобках одно обстоятельство, отмеченное Короленко: очень часто у русских интеллигентов "общими моральными соображениями" как раз прикрывается та самая конкретная сервильная деятельность, которая ведет к их возникновению), но потому, что это просто не выйдет.

Прежде всего, я бы отметил одно очень существенное обстоятельство, которое меня очень "напрягло" в текущей дискуссии про интеллигенцию. Невольно начинает складываться ощущение, что мы опять оказались в пореформенной России XIX века. Что не было опыта двукратного "отчуждения" интеллигенции от власти, не было опыта великой русской революции и крушения коммунистической системы. Не писались классические работы вроде "Вех", не делались современные интересные исследования в этой области, вроде проекта "Мыслящая Россия". Собственно говоря, вот это "умение" *деинтеллектуализировать* дискуссии и есть характерная черта русской интеллигенции, которая в неизменном виде воспроизводится с XIX века до сих пор. В связи с этим давайте попробуем определиться, а что же такое русский интеллигент и какую функцию он играет в политической системе страны. Без этого нельзя спрогнозировать, в каком направлении этот исторический феномен может развиваться.

Предыстория русской интеллигенции - это, видимо, "лишние люди", вроде Чацкого, Онегина или Печорина. Усвоенная ими из французских книг информация о том, как должно быть устроено общество, создала ситуацию полного и непримиримого разрыва идеала и реальности. Однако если бы эти люди реально пришли к власти (давайте внимательно прочитаем проекты переустройства России декабристов), ничего хорошего из этого явно не вышло бы. Учитывая психологические особенности людей типа Пестеля, очень может быть, что даже "неприятные эксцессы" Великой Французской революции показались бы "мелочами".

Уже из анализа "корней" русской интеллигенции видно, что ее традиционной функцией была модернизация и связанная с этим вестернизация российского общества (все-таки модерн, т.е. города, промышленность, демократию, науку, администрацию, технику и т.д., как ни крути, в их современных комбинациях придумали на Западе). Причем поиск собственных символов

национальной идентичности в "отталкивании" от Запада - логичная часть этого процесса. Какой же модерн существует без конструирования национальной общности? *Вообще, очень возможно, что для стран незападной культуры, как, например, Россия, разрыв между процессами вестернизации и модернизации на высоких этапах развития модерна неизбежен.* В этом плане *некоторые* русские "националисты" и "консерваторы", если проанализировать ситуацию в структурных терминах, могут оказаться носителями более глубоких модерновых представлений, чем *некоторые* русские "либералы".

В XIX веке по мере вестернизации-модернизации России разрыв между идеалом и реальностью начал постепенно преодолеваться. В результате реальное влияние интеллигенции уже в пореформенные времена резко выросло. Именно русская интеллигенция задала тот идейный каркас, который определял структуру политического пространства в России. Следует отличать в данном случае "политическое" от "властного". Не имея административных рычагов, но обладая контролем над полем формулирования публичных идей, можно вполне задавать контуры долгосрочных политических процессов. Эта функция оказалась в руках интеллигенции потому, что в России различные социальные группы традиционно практически никогда не решали свои конкретные проблемы в политическом пространстве. Куда более эффективным был поиск прямого (а не через посредство политических пространств) доступа к представителям администрации (в виде подкупа, налаживания неформальных связей, ходатайства или даже бунта).

На практике русская интеллигенция очень часто задает структуру осознания интересов частных групп (самой себя, рабочих, крестьян, бюрократии, среднего класса, предпринимателей, центра и периферии, различных национальных групп внутри страны и т.д.). Ее идейные конструкции создают также и способы интерпретации символов общности, синтезирующих интересы этих групп (государство, народ, национальные интересы и т.п.). Эта функция русской интеллигенции существует в силу того простого факта, что в России степень самоорганизации социальных групп из-за исторически слабого развития горизонтальных связей (и сознательной политики сильного государства) исторически была очень низка. Давайте, например, вспомним, что рабочий класс в России был целенаправленно сформирован марксистским государством, действовавшим в соответствии с идеологическим концептом "рабочий класс". А последний задала интеллигенция.

Далее. Русская интеллигенция в XIX-XX веках была, и до сих пор остается, одним из основных источников инноваций практически для всех систем России в целом (экономика, социум, культура), а отнюдь не только для ее политической системы. Русская история XIX-XX веков характеризуется катастрофизмом: резкие смены режимов и политических систем, господствующих идеологий, перемещения огромных масс населения, гигантские социальные перемены. В этой ситуации функция инновации как способа осознать перемены, предчувствовать их, искать способы адаптации к ним и в чем-то даже их предопределять,

создавая или переинтерпретируя соответствующие ценностно-идеологические системы, становится чрезвычайно важной.

Однако все это - внешние функции интеллигенции. Как она была традиционно устроена изнутри, чтобы решать такие задачи? Интеллигенцию характеризует, прежде всего, интегральное мировоззрение, неспециализированное знание об обществе, некий внутренне недифференцированный проект "модерна". Подобное знание не укладывается в четкие границы дисциплин и субдисциплин социальных наук. Интеллигент - это, собственно говоря, человек разносторонних интересов, но одновременно всесторонний дилетант, ничего толком не знающий. Причем, что уже совсем неприятно, "властителями дум" в результате становятся откровенно малограмотные с точки зрения нормальных представителей науки люди (давайте вспомним, что один из первых "лидеров общественного мнения" интеллигенции - "западник" Белинский - не знал немецкого и восторгался разными концепциями, вроде гегелевской, будучи очень поверхностно с ними знаком).

"Интеллигентность" в России традиционно определялась не только занятием умственным трудом. Она связана со специфическим стилем жизни, особыми морально-поведенческими кодами (например, то самое "подавание" или "неподавание" руки). Весьма важно в этом контексте определение Д.С.Лихачевым интеллигентности как "мирской святости". Имело место что-то вроде переноса традиционных для русского православия (вспомним, сколько "властителей дум" пореформенной России было выходцами из духовного сословия) представлений на мирскую почву. При этом идеал модерна приобрел религиозную ауру. Ему стали поклоняться и ради него "жертвовать собой" ("за правду он долго страдал"). Поэтому интегральные представления интеллигенции об обществе принимали весьма специфическую направленность. Интеллектуальным продуктом русской интеллигенции становятся разнообразные проекты спасения России и даже "всей вселенной" ("всемирная отзывчивость" Достоевского), но не специализированное знание о социально-политическом мире.

Кризис такой модели был явным уже в период Серебряного века, когда русское общество стало достаточно глубоко дифференцированным и модернизированным. Рефлексия "Вех" означала, что русская интеллигенция во многом является уже историческим пережитком. По мере усложнения структур общества ему требуются все более специализированные социально-политические знания и навыки. *Поэтому фигура старого русского интеллигента постепенно оказалась обреченной.* Появляется слой узких специалистов, медленно заменяющий интеллигенцию. Последний характеризует очень высокая профессиональная специализация знания, в том числе социально-политического. В соревновании между профессионалом и дилетантом победа первого исторически неизбежна.

Большевизм с его сознательной архаизацией всех сфер жизни страны очень серьезно отсрочил этот процесс. В результате мы получили "второе издание" противостояния властей и интеллигенции в десятилетия, предшествовавшие падению коммунистического режима.

Интересно, что структура сознания многих "врагов тоталитаризма" того времени (при всех их несомненных исторических заслугах и очевидных жертвах) носила очень тоталитарный характер. Давайте, например, внимательно проанализируем с этой точки, скажем, тексты глубоко уважаемого мной Буковского.

Именно в этом контексте *тоталитарности взглядов русской интеллигенции* я бы оценил способ интеграции "по поколениям". Как будто люди из одного поколения должны быть носителями одних ценностей и представлений о мире! Между тем в реальности имела место попытка небольшой группы людей узурпировать потенциал целого поколения и говорить от его имени! А на каком, собственно, основании?

Специфика современной России заключается в том, что процесс профессиональной дифференциации интеллигенции и становления слоя профессионалов, особенно в сферах, связанных с социально-политическим миром, еще не завершен. Хорошим индикатором этого служит, в частности, сама "нерукоподавательная" дискуссия.

Тем не менее можно с достаточно высокой долей уверенности утверждать, что "поколенческий" принцип интеграции мертв. Современные образованные слои в нашей стране являются носителями столь высоко плюралистичных взглядов на мир и ценностей, что ни за что не позволят какой-то небольшой группе узурпировать свои права. То же самое относится и ко всем идеям выработки общеобязательного "морального кодекса" интеллигента. Господа, ведь эта идея тоталитарна по определению! Возвращаясь к приведенному нами в начале статьи анекдоту, отметим, что реализация этого замысла возможна только на необитаемом острове.

Здесь, в контексте обсуждения проблемы профессионализации образованных слоев в России, будет уместно отметить, что сервиллизм некоторых их представителей как раз является показателем непрофессионализма и недостаточного образования. Иначе они в достижении успеха рассчитывали бы именно на эти качества. Собственно говоря, именно профессионализация и является одним из важных лекарств от "отключения" обратной связи для представителей властей. В ситуации, когда есть достаточное количество высокопрофессиональных политических экспертов, последние всегда смогут дать нужную консультацию о состоянии дел.

Как же может, в контексте всех вышеприведенных размышлений, дальше идти эволюция социальных структур, интегрирующих российскую интеллигенцию? Во-первых, будет углубляться процесс дифференциации по профессиональному принципу. Не только подавать руку, но и просто встречаться - чем дальше, тем больше - будут только люди, работающие в сходных сферах. При этом ни о какой общеобязательной системе принципов поверх профессиональной даже и разговора между ними не будет.

Будет также увеличиваться дифференциация по мировоззренческому принципу. Сейчас наше общество очень атомизировано. Это следствие как старых исторических особенностей России,

так и коммунистического террора. Постепенно, например, при помощи новых систем коммуникаций люди, имеющие сходные взгляды и ценности, будут усиливать между собой связи поверх профессиональных. В результате плюралистичность образованных слоев будет еще больше возрастать. Это также гарант того, что "поколенческий" принцип интеграции уходит в прошлое. Ну нет ведь "девяностников"! И "двухтысячников" не будет!

Наконец, в развитых обществах существует еще один тип связей поверх профессиональных и мировоззренческих. Это инновационные сети. Они объединяют элитные группы интеллектуалов в разных направлениях. Именно в последних рождаются и реализуются новые идеи. К сожалению, Россия, опять-таки традиционно, несмотря на изобилие умных людей, такими сетями в достаточном количестве не обладала (слабые попытки их создания имели место сначала во времена Серебряного века, а затем - среди чуждых морали и политики научных и авангардных художественных кругов в позднем СССР). Однако их, как сорная трава, "глушили" старые, плохо дифференцированные контакты "интеллигентского типа". Постепенное развитие таких сетей служит гарантией того, что Россия сможет постепенно превратиться в полноправного участника инновационной экономики, характерной для современного мира.

4 апреля 2008 г. | 14:54